

UDK 929Herberstein Ž.:811.51:811.16(091)

Александр И. Грищенко (Aleksander I. Griščenko/Alexander I. Grishchenko)
Moscow State Pedagogical University; Institute of Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia
a.i.grishchenko@mpgu.edu

«ДИКИЕ ЗВЕРИ» СИГИЗМУНДА ГЕРБЕРШТЕЙНА И ПЕРЕЧЕНЬ ЧИСТЫХ КОПЫТНЫХ В ПРАВЛЕННОМ СЛАВЯНО-РУССКОМ ПЯТИКНИЖИИ¹

В статье проанализирована перекличка между вставной главкой «De feris» в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна, где описаны дикие звери, обитавшие в Литве, с перечнем чистых копытных (Втор 14:5) славяно-русского Пятикнижия, правленного в XV в. по тюркскому таргуму — иудейскому переводу библейских книг на старозападнокипчакский язык. Высказано предположение, что Герберштейн заимствовал сведения об этих животных не только из своего собственного опыта посещения Литвы, но и из текста правленного Пятикнижия. В статье также приводятся другие примеры правки списков чистых и нечистых животных в славяно-русском Пятикнижии в соответствии с кашрутом (Лев 11:1–31, Втор 14:7–20). В приложении собрана иконография «диких зверей» Герберштейна из изданий XVI в., использовавших его сведения.

Ключевые слова: «Записки о Московии», славянская Библия, тюркский таргум Пятикнижия, караимский язык

This article analyzes the junction between the inserted chapter “De Feris” in *Notes on the Muscovites* by Sigismund von Herberstein, where wild beasts living in Lithuania are described, and the list of clean ungulates (Deuteronomy 14:5) from the Slavonic-Russian Pentateuch, edited in the 15th century according to the Turkic targum. The author hypothesizes that Herberstein borrowed the information about these beasts not only from his own experience of visiting Lithuania, but from the text of the edited Pentateuch. The paper also deals with other cases of the correction of animal names in the Slavonic-Russian Pentateuch according to kashrut (Leviticus 11:1–31, Deuteronomy 14:7–20). The appendix contains iconography of the “wild beasts” of Herberstein from the 16th-century editions, which were based on Herberstein’s descriptions.

Keywords: *Rerum Moscoviticarum Commentarii*, Slavonic Bible, Turkic targum of the Pentateuch, Karaite language

¹ Работа выполнена на средства гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских учёных — кандидатов наук МК-1338.2017.6, проект: «Лингвотекстологическое исследование славяно-русских пятикнижий, правленных по Масоретскому тексту». Автор выражает глубокую признательность за ценные советы и помощь в доступе к караимским источникам Михалу Немету (Ягеллонский университет, Краков) и Дану Шапире (Университет Бар-Илан, Израиль), а также за всяческую поддержку — почётному профессору МПГУ Игорю Георгиевичу Добродомову.

1 Значение трудов барона Сигизмунда фон Герберштейна — великого уроженца Словении и австрийского дипломата — трудно переоценить в деле установления политических и культурных связей между европейскими монархиями XVI в. и между разными славянскими народами. Его «Записки о Московии» стали ценнейшим источником сведений о Восточной Европе того времени, равно как и породили множество мифов о ней, перекочевавших в последующие сочинения западноевропейских авторов. Настоящую статью автор посвящает 10-летию выхода лучшего на сегодняшний день научного издания «Записок о Московии» (Герберштейн I–II) и 70-летию Александра Васильевича Назаренко — переводчика немецкой версии «Записок» и редактора перевода их латинской версии. В этой книге довольно много ещё не разгаданных загадок и не охваченных полноценными исследовательскими комментариями мест.

Одно из таких мест — вставная главка «О диких зверях» («De feris» в латинской редакции; в немецкой специально не выделена), которая появляется внутри главы «О Литве» («De Lithvania» или «Von Litten» в латинской и немецкой редакциях соответственно) в третьем, базельском, издании 1556 г. и имеется уже в немецком тексте венского издания 1557 г. (Герберштейн II: 180 [автор данного фрагмента статьи — В. И. Кононович]). О том, что в этой главке приведены сведения о зверях именно Литвы, сообщается в самом её начале: «Кроме тех, которые водятся и в Германии, в Л и т в е есть следующие звери...» (в немецкой редакции: «...[н а] п о д в л а с т н ы х л и т о в ц у з е м л я х...») (Герберштейн I: 479; разрядка наша — А. Г.), — однако речь в ней идёт всего лишь о четырёх животных, причём исключительно копытных: **1) о зубре** — *Suber*, лат. *Bison*, нем. *Bisont*, **2) о туре** — *Thur*, лат. *Urus*, нем. *Urox*, **3) о лосе** — *Loss*, лат. *Alces*, нем. *Ellend* и **4) о сайгаке**, который несколько выбивается из этого ряда, поскольку обитает уже не на территории собственно Литвы, а в степях Поднепровья, Подонья и Поволжья:

На степных равнинах около Борисфена, Танаиса и Ра водится дикая овца,² именуемая поляками *Solhac*, а московитами — *Seigack*, величиной с козую, но с более короткими ногами; рога у ней вытянуты вверх и как бы отмечены колечками; московиты делают из них прозрачные рукоятки ножей. Они весьма стремительны и очень высоко прыгают (Герберштейн I: 484/485).

Странность всего пассажа «О диких зверях» состоит в том, что, с одной стороны, среди всех специфических для Литвы животных выбраны только эти четыре, с другой — что состав животных не очень специфичен для Литвы: лось в XVI в. обитал повсеместно в Европе,³ а сайгак — за пределами Литвы в узком смысле, в основном на территории или Дикого Поля, или татарских ханств и княжеств,

² В русском переводе — «лесная овца» (лат. *ovis sylvestris*), но, учитывая, что сайгак — исключительно степной обитатель (о чём сообщает и сам Герберштейн), который даже в лесостепь забредал сезонно, более точным будет перевод «дикая овца». В немецкой редакции сайгак не описан.

³ «За пределами нашей страны лось был истреблен в Западной Европе еще в XVIII столетии и, кроме стран Восточной Европы, нигде не восстановился. В Северной Европе лось населяет Норвегию, Швецию и Финляндию» (Банников, Флинт 1989: 455).

возникших на руинах Золотой Орды.⁴ Современные исследователи объясняют этот подбор животных тем, что по крайней мере зубров Герберштейн мог наблюдать в зверинце в Троках на пути из Вильны в Краков.⁵ Однако нам ничего не известно о том, видел ли Герберштейн в этом зверинце других трёх зверей. В самой главе «О диких зверях» он описывает зубров как вполне диких зверей, на которых ведётся охота, причём довольно примечательным образом — из-за дерева:

Выбирается удобное для охоты место, где деревья были бы отделены одно от другого нужными промежутками и имели бы стволы не слишком толстые, чтобы их легко можно было обойти кругом, но и не маленькие, так чтобы за ними мог скрыться человек. У этих деревьев по одному располагаются охотники, и когда поднятый преследующими его собаками бизон выгоняется на это место, то стремительно бросается на того из охотников, который выступит (из-за дерева) первым. Прячась за деревом, он колет зверя, как только может, рогатиной, но бизон не падает даже и от многочисленных ударов, а все больше и больше воспаляется яростью... (Герберштейн I: 480/481).

Сцены охоты на дикое копытное из-за дерева — однако не зубра, а тура (также из перечня Герберштейна) — были впервые изображены на карте Московии Антона Вида и Ивана Ляцкого, которую последний посылает Герберштейну в 1541 г. (см. *Илл. 3 и 4* Приложения к настоящей статье), см. словесное описание этих сцен:

...у южной московитской границы представлена живописнейшая сцена: разъяренный бык уперся рогами в дерево, а охотник, который, как видно, спровоцировал его на это, из-за дерева, словно из укрытия, наносит животному удар копьём в грудь; на соседнем дереве расположился второй охотник с луком и стрелой целит в быка; надпись гласит: «Так убивают быков» («Sic interficiuntur vři»). Речь, конечно, идет о диких быках-турах, которые водились в лесах Восточной Европы до XVII в., поэтому изображение охоты на тура в причерноморских степях нельзя признать правильным, ее надо было бы расположить севернее, в лесной зоне.⁶ Тем не менее ниже на карте, в той же степной полосе, представлены еще две сцены охоты на указанное животное [...]: и в той, и в другой быка преследуют всадники с копьями, но в одной из них всадникам помогают пешие егеря и собаки, во второй — они действуют самостоятельно (Кудрявцев 2017: 50).

⁴ «Западным пределом распространения сайгака в XVII–XVIII вв. были предгорья Карпат, по-видимому, Южный Буг и Прут [...] Северная граница в Европе проходила немного южнее Киева и далее по линии Курск, Усмань, Тамбов, Самара (Куйбышев) [...] Видимо, сайгаки изредка заходили в левобережное лесостепное Поднепровье, поскольку из лесостепной Украины они как большая редкость отсылались в Москву. [...] В бассейне Северного Донца в XVII в. сайгаки встречались у г. Чугуева. В 60-х годах того же века они появлялись у р. Самары, т. е. подходили к окраинам лесостепи» (Банников и др.: 36–37).

⁵ «...я затем свернул на четыре мили с дороги в Троки, чтобы посмотреть на заключенных за оградой в саду [бизонов, которых иные называют буйволами, а немцы —] аигохп» (Герберштейн I: 632/633–634/635); ср. пересказ В. И. Кононовича (Герберштейн II: 169–170).

⁶ В действительности, лишь в «последний период своего существования в Европе туры жили в сырых, заболоченных лесах. По всей вероятности, привязанность к лесам была вынужденной. Еще раньше туры, по-видимому, населяли лесостепи и разреженные леса, перемежающиеся лугами, нередко заходили даже в настоящие степи. Возможно, что в леса они откочевывали лишь зимой, летом предпочитая луговые пастбища» (Банников, Флинт 1989: 517). Поэтому помещение сцен охоты на тура на карте Вида и Ляцкого по крайней мере лишь анахронично, но не ошибочно в принципе.

По мнению Л. Багрова, именно с карты Вида и Ляцкого сцена охоты на тура (опять же, не зубра!) была заимствована на соответствующую гравюру в «Истории животных» 1551 г. К. Геснера, правда в увеличенном, отзеркаленном, детализованном и несколько модифицированном виде (см. *Илл. 5 Приложения*) (Bagrow 1962: 44). Зная, что Геснер пользовался материалами Герберштейна, в том числе гравюрами с отдельными изображениями зубра и тура (см. об этом ниже, в Приложении), трудно судить, была его сцена охоты на тура перерисована с карты Вида и Ляцкого или воспроизведена согласно описанию сцены охоты на зубра (не тура!) из текста «Записок о Московии». Судить о схожести обеих сцен предоставим квалифицированным искусствоведам.

О том, что тура и зубра постоянно путали его современники, с горечью напоминал и сам Герберштейн, который, кроме специальных оговорок на эту тему в главке «О диких зверях», поместил красноречивые подписи к изображениям этих двух животных в базельском издании 1556 г.: «Есмь бизон, для поляков — зубр, для немцев — бизон, люди несведущие дали (мне) имя тура» (*Bisons sum, Polonis suber, Germanis bison: ignari, uri nomen dederant*) — к изображению зубра; «Есмь тур, для поляков — Tur, для немцев — Aurox, люди несведущие дали (мне) имя зубра» (*Urus sum, Polonis tur, Germanis aurox: ignari bisonis nomen dederant*) — к изображению тура (Герберштейн I: 718–719). Аналогичные «шпаргалки» для «несведущих» помещены и в немецком венском издании 1557 г.: «Обычно его называют туром, а я — бизоном» (*Die gemain nent den Auroxen / ich aber den Bisoni*) — к изображению зубра; «Обычно его называют бизоном, а я — туром» (*Die gemain nent den Bison / ich aber den Aurox*) — к изображению тура (Герберштейн I: 738–739).

Какие же звери содержались в трокском зверинце в эпоху Герберштейна? Известно лишь одно его краткое описание, причём сделанное за сто с лишним лет до московских миссий барона, — фламандского рыцаря Жильбера де Ланнуа, который посетил Троки в 1414 г. и оставил записки о своём путешествии, где среди прочего сообщается:

В сказанном городе Троках есть огороженный зверинец, в котором находятся всякого рода дикие звери и птицы, какие только можно найти в лесах и получать оттуда; а между ими есть и необыкновенные, как то: дикие быки, называемые зубры (*ougroflz*), большие лошади, называемые *wesselz*, и другие, званные лосями (*hellent*), есть там также дикие лошади, медведи, кабаны, олени и всякого рода звери (Жильберт де Лянуа 1867: 41).

Действительно, и ранее в Троках содержались то ли зубры, то ли туры (не будем забывать, что европейцы путались в их названиях — при всей явной несхожести животных), а также ещё одно животное из перечня Герберштейна — лось. Однако нигде не сообщается, содержались ли в этом зверинце сайгаки — самые загадочные звери из тех, которых описывает в рассматриваемой главке Герберштейн. Они принадлежат уже совершенно иному — степному — миру, и их появление в этой главке вызывает массу вопросов, начиная с названия. Например, почему их приведено два — польское и московское, причём польское название не

встречается более ни в каких источниках, а фиксируется в несколько иной форме лишь позднейшими словарями как заимствование из украинского языка?⁷ Ещё в одной форме название сайгака приводит польский современник Герберштейна — Матвей Меховский в своём «Трактате о двух Сарматиях» (кн. I, трактат I, гл. VI):

Свак — это животное величиной с овцу, не попадающееся в других странах, с серой шерстью и двумя небольшими рогами, очень быстрое на бегу. Мясо его очень вкусно. Когда стадо сваков замечено где-нибудь в траве в поле, хан или император татарский скачет туда верхом со множеством конных и они со всех сторон окружают скрывающихся в высокой траве животных. Начинают бить в бубны, тогда испуганные сваки выбегают с разных сторон и всё мечутся от одного края облавы к другому, пока не обессилеют от усталости. Тут татары с криком бросаются на них и убивают (Матвей Меховский 1936: 60).

В третьем прижизненном издании трактата 1521 г. (положенном в основу цитируемого научного издания) животное называется *swak*, но в предшествующих изданиях 1517 и 1518 гг., судя по всему, допущена опечатка — *snak* (Матвей Меховский 1936: 141). Рассматривая все эти формы (*snak*, *swak*, *solhac* и *seigack*) при комментировании слова *сайгак*, А. В. Исаченко пишет, что оно могло быть заимствовано из караимского языка, и ссылается при этом на статью Т. Ковальского (Isačenko 1957: 507), который действительно обнаружил форму *soyaḡ* в качестве одного из компонентов словосочетания, передающего др.-евр. *‘ōp̄er* ‘молодой олень (или газель)’, в переводе Песни Песней на тракайский диалект караимского языка (Kowalski 1928: 352).⁸ Именно караимский след, походя затронутый А. В. Исаченко и впоследствии повторяемый и комментаторами Герберштейна (Герберштейн II: 458, прим. 826), и этимологами⁹ без дальнейшего обращения вглубь такого весьма экзотического и практически неизвестного славистам источника, как тюркский таргум (библейский перевод в рамках какой бы то ни было иудейской традиции, включая караимскую), представляется ключевым для интерпретации главки «О диких зверях» и позволяет увидеть представленный в ней перечень животных в иной, не столько реалистической, сколько книжной — а точнее, библейской, — перспективе.

Дело в том, что тюркский — а точнее, старокипчакский, сохранившийся преимущественно в поздних рукописях и аутентичных печатных изданиях на разных диалектах караимского языка, — таргум Пятикнижия, как недавно выяснилось, послужил одним из важнейших источников правки славяно-русского

⁷ Ср.: «**Suhak** [...] (colus tataricus) zwierzę racicowe, pochworogie, z rodziny atnylop [...] <Ukr. Suhák>» (SJP. T. VI: 506); «**Сугак, кá, м. 1**) Сайга» — с иллюстративными примерами из украинской литературы XIX в. (Грищенко. Т. IV: 225); «**СУГÁК, á, ч.** Ссавець групи антилоп» — также с самыми ранними примерами из Пантелеймона Кулиша (СУМ. Т. IX: 820).

⁸ См. также Песн 2:9, 2:17, 4:5, 7:4 в издании этого текста (Kowalski 1929: 39–45) по рукописи 1889 г. (описание рукописи см.: ibid: 287–288).

⁹ Ср.: (Фасмер. Т. III: 545; ЭСУМ. Т. V: 465). Об этимологии обеих форм, связанных друг с другом, — *сайгақ* и *со:гақ* — внутри тюркского ареала см. в (ЭСТЯ. Т. VII: 163–164, 295): словарные статьи написаны здесь Л. С. Левитской. Кроме того, название сайгака в форме *sovaq* или *sobaq* было заимствовано в осетинский язык, о чём писал В. И. Абаев, упоминая также украинскую и польскую формы (Абаев. Т. III: 140).

Пятикнижия, происходившей во втор. пол. XV в. на русских землях Великого княжества Литовского, предположительно в Киеве, возможно, в рамках того же переводческого проекта, который принято связывать с книжной деятельностью Захарии бен Афарона га-Кофена (Схари Жидовина русских сочинений против «жидовствующих»)¹⁰. И эта правка в значительной мере касалась точности передачи старым славянским переводом особенностей иудейских пищевых запретов — кашрута. Основные правила кашрута — о чистых и нечистых животных — были изложены уже в Пятикнижии (Лев 11:1–31, Втор 14:4–20), и существенной переработке славянский текст был подвергнут именно в перечнях чистых и нечистых животных. Однако ими приведение славянского текста к нормам кашрута не ограничилось.

Так, Быт 43:16 содержит фразу *Въведи члда въ домъ и заколи бравы* — упоминание Иосифа слуге для приготовления трапезы ко встрече братьев, и здесь слово *бравы* (в старшем, русском, списке, Лаврском Пятикнижии рубежа XIV–XV вв., полногласная форма *боровы*) соответствует греч. θύματα ‘животные на убой’ (Muraoka 2009: 333) (в еврейском Масоретском тексте здесь слово *tébaḥ* ‘жертва’), причём ц.-слав. *бравъ* изначально имело значение не ‘боров (кастрированный кабан)’, а ‘мелкий скот’ (SJS. Т. I: 139; СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 1: 294), в ю.-слав. языках и их диалектах соответствующие формы также обозначают в основном овец или скот вообще, тогда как значение ‘кастрированный кабан’ ограничено западно- и восточнославянским ареалами (ЭССЯ. Вып. 2: 214–215). Однако для справщиков славяно-русского Пятикнижия XV в. *бравъ* — это уже именно боров, животное нечистое, а потому невозможное к употреблению в пищу патриархом Иосифом. Отсюда возникает глосса (в ряде списков — эмендация) *кравы* (в некоторых списках — испорченное чтение *кракы*),¹¹ при помощи которой редактор, сведущий в кашруте, устранял это, как ему казалось, недоразумение. В тюркском таргуме, причём в нескольких его версиях,¹² в этом месте находим *sôğût*, что в разных кипчакских языках обычно обозначает ‘забой скота’ (КРПС 1974: 477), а также ‘скот, откормленный на убой’ (ЭСТЯ. Т. VII: 312).

¹⁰ Подробнее об этом см. в (Грищенко 2017). Там же (с. 36–37) подробнее рассмотрены формы наименования сайгака. Впервые на тюркизмы в правленном славяно-русском Пятикнижии XV в. было обращено внимание в статье (Grishchenko 2016), там же (р. 263–264) см. специально о сайгаке. Кроме того, как только что выяснилось, аналогичному глоссированию в XV в. на русских землях подверглось не только Пятикнижие, но и книги Толковых Пророков, причём, скорее всего, также по тюркскому таргуму, о чём свидетельствует по крайней мере один тюркизм, совпадающий с найденными ранее глоссами правленного Пятикнижия (Калугин 2017).

¹¹ Приводить полный перечень рукописей правленного славяно-русского Пятикнижия, коих на сегодняшний день известно 19, с распределением этих чтений мы не будем, однако сошлёмся на критическое издание книги Бытия, где они приведены по большинству известных на тот момент рукописей: (Михайлов IV: 376).

¹² По данным рукописей III-73 (л. 73об.; об это рукописи см. ниже, примеч. 20), РНБ Евр. I. Библ. № 144 (л. 52об.) и Manchester (UK), Rylands Library, Gaster Hebrew MS 170 (л. 49об.), печатному изданию практически полного перевода Масоретского текста, подготовленного на средства крымского мецената Мордехая Тырышкана (*Сэфер таргум Тора би-лешон Татар*. Гёзлеве, 1841), и по печатному изданию Бытия в переводе на тракайский диалект Захарии Мицкевича (*Хамиша Хумией Тора: метургам ли-лешон Кебари*. Вильна, 1889. С. 56).

Фронтальной правке, как уже говорилось, подверглись перечни в Лев 11:1–31 и Втор 14:4–20 в тех местах славяно-русского Пятикнижия, где имелись старые ошибки перевода, или в тех, где правщик посчитал нужным расширить список нечистых животных. Добавлены были следующие наименования животных: 1) **ѣж** (Втор 14:7) в формах *ожъ* (вост.-слав.) и *южь* — к барсуку (*ιαβω* resp. греч. χοιροϋρῶλλιος ‘кролик’, др.-евр. *šāpān* ‘даман’, караим. *kīrpī* ‘ѣж’);¹³ 2) **канюк** (Втор 14:15) — между «сухолапцем» (resp. греч. *λάρος*, др.-евр. *šāḥap* ‘чайка’, в караимском таргуме — без перевода) и ястребом (resp. др.-евр. *nēš* ‘ястреб, сокол’, греч. нет, караим. *qīrḡiy* ‘сокол, ястреб’ — в Евр. I Библии, № 144 и в издании Тырышкана); 3) **скопа** и **аист** (*боусолъ*¹⁴) (Втор 14:17–18) — между «ночным враном» (resp. греч. *νυκτικόραξ*, др.-евр. *šālāk* ‘баклан? рыбный филин?’) и тесло-носом (resp. греч. *πελεκάν* ‘пеликан’, др.-евр. *ḥāsīdāh* ‘аист? цапля?’), оба в караимском таргуме — без перевода; 4) **глухарь** (*глоухыи тетереви*) (Втор 14:17–18) — между удою (resp. греч. *ἔλωψ* ‘удод’, др.-евр. *rāḥām* ‘стервятник’), который почти во всех слав. списках поменялся местами с «порфирионом» (resp. греч. *πορφύριον* ‘камышница? лысуха красная?’, др.-евр. *dūkīpāt* ‘удод’), — оба в караимском таргуме без перевода, — и «ночным нетопырём» (resp. греч. *νυκτερίς*, др.-евр. *‘āṭallēp* ‘летучая мышь’, караим.: *yarqanaṭ* ‘то же’ в издании Тырышкана и ошибочная передача *‘amalēp* др.-евр. названия в рукописях). Поскольку в ряде списков правленного славяно-русского Пятикнижия эти добавления представлены в виде маргинальных глосс, то есть вероятность того, что это именно исправления менее понятных названий старославянского перевода более привычными восточнославянскими, а не расширение перечня нечистых животных.

Глоссированию тюркской формой **саранча** (в некоторых списках — **саранца**) подверглись два из четырёх видов саранчи (в слав. переводе: *гжсеница* / *жсѣньць* — греч. *βροῦχος*; *свьръцькѣ* / *свьръчкѣ* / *ск(в)ръчкѣ* / *свьръчкѣ* — греч. *ἀττάκης*; *пржси* — греч. *ἀκρίδα*; *сжпротивацци сѧ змии* — греч. *ὀφιομάχης*) (Лев 11:22), и эта форма — кстати, впервые в славянской письменности отмеченная именно в правленном славяно-русском Пятикнижии, — довольно близка старокипчакской *farinčka* (“Codex Cumanicus” по изд.: Grimba 2000) или *sārīnšqā* (в транскрипции — *sarynčqa*) в самом раннем, причём лишь недавно датированном нами 70-ми — 80-ми гг. XV в., списке тюркского таргума, правда в другом библейском месте (Числ 13:33; список фрагментирован и содержит только текст

¹³ В III-73 здесь употреблено польское или уже восточнославянское слово *królík* (л. 303об.). Однако ещё больше загадок в этом месте нам преподносит чешская Библия, уже в первой редакции которой здесь было чтение *giežka* (*ježka*): по Оломоуцкой Библии 1417 г., л. 82а (использована электронная фотокопия с сайта: <http://www.digitalniknihovna.cz/>). То же чтение сохраняется и в последующих редакциях чешской Библии, откуда оно попадает к Франциску Скорине: *ѣжика* (*Книги пѣтими Моисеовы зовемыи от евреи Гельгадворим, по-греческии Девтеронормос, по-латине Секунда Леке, а по-русскии Второи Закон. Зуполне выложены доктором Франциском Скориною с Полоука. Прага, 1519. Л. 30об.*). Взаимосвязи чешской Библии, правленного славяно-русского Пятикнижия и тюркского таргума требуют дальнейшего изучения.

¹⁴ Это западнорусское наименование аиста — ещё один аргумент в пользу локализации правки славяно-русского Пятикнижия на землях Великого княжества Литовского.

Исх 21:11 — Числ 28:15).¹⁵ Однако к тому же библейскому месту (Лев 11:22), где в этой рукописи использованы еврейские названия разных видов саранчи, имеется глосса *SRY...* на полях — к сожалению, обрезанная.¹⁶ Вероятно, она должна была читаться так же, как в тексте Числ 13:33, т. е. *SRY[NṢQ]* (без огласовок; если реконструировать огласовки, то *sārīnṣqā*). В более поздних караимских списках и изданиях стандартное наименование саранчи — *sgṛtk* в разных диалектах: *цэгиртке, чегиртъкя, чэгиртке, чэгирткэ* (КРПС 1974: 617, 626, 639), и старая форма *sarynčqa* в них уже нигде не встречается.

В перечне нечистых птиц (Втор 14:16) была исправлена «ошибка» ещё греческого перевода, в котором др.-евр. *yanšūp* ‘ибис? ушастая сова? щурка?’ соответствовал лебедь (греч. *κόκκος*; в караимском таргуме без перевода) — птица, по крайней мере по более поздним представлениям, вполне чистая, поскольку во всём подобна гусю.¹⁷ Во всех списках правленного славяно-русского Пятикнижия вместо лебедя появляется **сыч** — птица однозначно нечистая.

Самой существенной правке подвергся перечень чистых копытных (Втор 14:5), в котором по сравнению с изначальным славянским переводом были изменены названия четырёх животных из семи. Первые три и в переводе вполне соответствовали не только греческому оригиналу, но и правилам кашрута: греч. *ἔλαφος* (др.-евр. *ʾayūāl*) ‘олень’ — слав. *юлень*; греч. *δορκάς* (др.-евр. *ṣḥīl*) ‘газель’ — слав. *сьрна*; греч. *βοῦβαλος* ‘буйвол’ (др.-евр. *yaḥmūr* ‘косуля?’) — в вост.-слав списках *бОВОЛИЦА, БОУВОЛИЦА, БОУБОЛИЦА*, в ю.-слав. *быволъ*. Самое интересное происходит дальше, когда выясняется, что в славянском переводе допущено четыре ошибки:

1. греч. *τραγέλαφος* ‘козлоолень’ (др.-евр. *ʾaqqō* ‘дикая коза?’) странным образом был переведён двумя словами (видимо, исходя из двусоставности греческого наименования), причём первое (*платонъ* или *плотоунъ*) нет возможности адекватно интерпретировать, ибо ни в одном славянском языке нет похожей формы (разве что совершенно гадательно не связать «плотуна» с плотиной, предположив, что это бобр, который был и остаётся в кашруте нечистым животным), тогда как второе название *лэвэ* ‘барсук’ обозначает также нечистое животное, упомянутое выше в Лев 11:6;
2. греч. *πύγαρος* ‘белозадый (антилопа)’ (др.-евр. *dišōn* ‘зубр?’) дало, по-видимому, искажённые благодаря метатезе в разных слав. списках формы *поураггъ, поурагль* или *параргъ* — ещё один гапакс;
3. аналогично греч. *ὄρυξ* ‘антилопа’ (др.-евр. *tāʾō* ‘дикая овца? антилопа?’) исключительно по созвучию совпало со слав. *рысь* (это животное также нечистое);
4. в греч. *καμηλοπάρδαλις* ‘верблюдобарс (жираф)’ (*zémer* ‘разновидность газели? горный баран или козёл?’) славянский переводчик опознал только

¹⁵ РНБ Евр. I. Библия. № 143, л. 86об.

¹⁶ Евр. I. Библия. № 143, л. 43.

¹⁷ Вполне вероятно, что это вовсе не ошибка перевода, поскольку для создателей Септуагинты лебедь мог быть именно нечистой птицей.

первую часть слова, переведа его как *вельбждъ*, несмотря на то что верблюд поминается рядом среди нечистых копытных (Втор 14:7).

Так вот, возвращаясь наконец к животным, описанным Герберштейном во вставной главке «De feris», невозможно не удивиться совпадению их состава (и практически той же последовательности!) с перечнем тех четырёх эмендаций в правленном славяно-русском Пятикнижии, которые во всех его списках¹⁸ были сделаны для приведения только что рассмотренных переводческих ошибок к стандартам кашрута: **1)** загадочные «платун и язв» снова стали одним животным — **туром**; **2)** не менее загадочный «пураг» — **зубром** (в основном использована форма *зоубръ*, в двух списках — *зубръ*)¹⁹; **3)** некошерная рысь была заменена на кошерного **лося**; **4)** наконец, столь же некошерный верблюд был исправлен на **сайгака** (в основном использована форма *саугакъ*, в двух списках — *сауганъ*). Выходит, что первое упоминание сайгака в восточноевропейском контексте можно отметить вовсе не у Матвея Меховского, в современной же (велико)русской форме — вовсе не у Сигизмунда Герберштейна, а в правленном славяно-русском Пятикнижии: его старшие списки относятся к 1490-м гг., а прототип, созданный на русских землях Великого княжества Литовского, — к ещё более раннему времени.

Если же вернуться к караимскому названию сайгака, то не менее удивительно (но скорее ожидаемо) его появление в перечне животных в Втор 14:5, правда на месте другого животного — первого в списке, см. единственный в своём роде текст из галицкой рукописи III-73, написанной, однако, на тракайском диалекте караимского языка²⁰ (а потому, возможно, представляющей, опять же, старую традицию, связанную всё с теми же Троками — местом расположения великокняжеского зверинца):

sôgăġnî dâ' yûrnyû dâ' bôyybôlnû dâ' pôlê' qôyyûn dâ' dišôn-nû dâ' lôsnû dâ' zûbrânî
'сайгака, и оленя, и буйвола, и полевою овцу, и «дишона», и лося, и зубра'

Из семи названий животных четыре формально совпадают с тем же перечнем в правленном славяно-русском Пятикнижии, причём три из них — явные славянизмы (если приводить их в транскрипции, а не в транслитерации: *böyvol*, *los* и *zubra*),

¹⁸ Кроме 19 списков правленного Пятикнижия, те же самые эмендации в перечне чистых копытных можно найти ещё в трёх списках предшествующей редакции, которые испытали влияние правленного Пятикнижия. О редакциях славяно-русского четвёртого Восьми- и Пятикнижия см. статью (Пичхадзе 1996).

¹⁹ Тот факт, что др.-евр. *dišôn* был передан славянским словом *зубръ* / *зубрь*, может лишний раз свидетельствовать о тюркском происхождении этой глоссы, поскольку *diš* в одном из тюркских диалектов, используемых в том числе караимами (а именно — в крымском варианте караимского языка и в крымскотатарском), значит 'зуб' (КРПС 1974: 178), и паронимическая аттракция между *зуб* и *зубръ* применительно к «дишону» могла возникнуть именно на тюркской почве.

²⁰ Рукопись написана в 1720 г. в местечке Кукизов (ныне с. Кукезов в Каменка-Бугском р-не Львовской обл. Украины), хранится в частном собрании пожелавшего остаться анонимным лица, готовится к изданию Михалом Неметом, который любезно предоставил нам фотографии интересующих нас мест; см. публикации М. Немета об этой рукописи и содержащемся в ней тексте: (Németh 2014; idem 2015a; idem 2015b).

а одно — альтернативная форма славянского тюркизма *сайгак* (*soğaq*), известная именно для тракайского диалекта караимского языка.²¹

Насколько древний перед нами текст и восходит ли он к тюркскому таргуму XV в., судить сложно, но, учитывая, что он не напрямую зависит от церковнославянской Библии (например, не заимствует форму *сайгакъ* из Острожской Библии 1581 г., а использует собственную и помещает её на первое место перечня — вместо последнего), последовательность и направление заимствований можно реконструировать следующим образом.

Когда к XV веку — а более ранних свидетельств присутствия тюркоязычных и вообще каких бы то ни было караимов в Восточной Европе не существует — уже перешедшие на старокипчакский язык иудеи Золотой Орды (среди них известны прежде всего караимы) переселились на земли Великого княжества Литовского, у них возникла необходимость приспособить к новым климатическим реалиям и к новой фауне свои перечни чистых и нечистых животных, отсюда неизбежные заимствования из восточнославянского названий специфических для этого климатического пояса животных — тура, зубра, буйвола и лося, причём наименование тура с течением времени утратилось в традиции караимского таргума, более того: чем моложе редакция тюркского таргума, о поздней стадии коего моего мы можем судить лишь по караимским версиям, — тем меньше в перечне Втор 14:5 переводных наименований и тем больше исходных древнееврейских. Так, если в III-73 без перевода остался только «дишон» (в славяно-русском Пятикнижии именно ему соответствует зубр), то в крымских рукописях 1770-х гг. — нач. XIX в.²² и основанном преимущественно на них издании Тырышкана 1841 г. переведёнными оказываются лишь первые два названия из семи: *sîğîn / sîbûn* ‘олень’ и *kîyîk* ‘ёзкі’ ‘дикая коза’. Установив новый перечень чистых копытных, тюркоязычные иудеи XV в. (вероятно, всё же караимы по преимуществу) при не выясненных до конца обстоятельствах повлияли на славяно-русское Пятикнижие (а также книгу Толковых Пророков), куда в качестве глосс и эмендаций были внесены как уже освоенные ими русизмы *тоуръ*, *зоубръ* и *лось* (название буйвола в формах *боволица*, *боуволица* или *боуболица* уже было в старославянском переводе Восьмикнижия), так и тюркизм *саугакъ* — наследие золотоордынского прошлого. Кроме того, северный ареал сайгака, о чём уже было упомянуто, простирался до степей и лесостепей, подступавших с юга к Киеву, так что это животное действительно могло употребляться в пищу киевскими иудеями, особенно сохранившими память о нижеволжских городах, окружённых степями. О том, что сайгака действительно ели, свидетельствовал Матвей Меховский, однако Герберштейн уже не упоминал этого обстоятельства. Насколько реальным было гастрономическое знакомство

²¹ Значения ‘молодой олень’ и ‘молодняк (олени, антилопы)’ для формы *согъах* тракайского диалекта заимствованы словарём (КРПС 1974: 477), вероятно, из указанной статьи Т. Ковальского и его же издания Песни песней. Значение ‘олень’ для формы *согъак* (там же: 476) даётся в привязке к галицкому диалекту со ссылкой на словарь А. Мардковича, где, однако, источники лексикографического материала никак не обозначены (Mardkovicz. Z. 2: 58), так что судить о диалектной привязке слов по этому словарю решительно невозможно.

²² Евр. I. Библ., № 144, л. 234об.; Gaster H 170, л. 227.

тюркоязычных иудеев Великого княжества Литовского с другими животными из правленого перечня (и главки Герберштейна), остаётся только гадать. Если к началу XVI в. поголовье зубров и туров в Восточной Европе существенно сократилось, то о XV в. точных данных нет.

Остаётся последний вопрос — о связи главки Герберштейна «О диких зверях» с эмендациями во Втор 14:5 правленого славяно-русского Пятикнижия. Ещё раз обратим внимание на их состав: у Герберштейна — зубр, тур, лось и сайгак, в правленом Пятикнижии — тур, зубр, лось и сайгак. В случайность этого совпадения верится с трудом, однако что считать здесь связующим звеном — зверинец в Троках или знакомство Герберштейна с соответствующим библейским текстом? Последнее более чем вероятно. Сам барон неоднократно поминает в своих «Записках» о том, что он обращался к русским рукописным книгам, в том числе Св. Писания (правда, не уточняя — Ветхого или Нового Завета):

...если раскрыть все их [русских — А. Г.] истории [и священное писание], то окажется, что [слово *czar* соответствует везде названию «король», а] названию «император» соответствует «цесарь» [лат. *Kessar*, нем. *Khessar* — А. Г.] (Герберштейн I: 94/95).

Если форма *кесарь* (напрямую заимствованная из греч. *καῖσαρ*) встречается, по понятным причинам, только в Новом Завете, то более старое заимствование *цьсарь* или *цѣсарь* (в позднем написании *царь*, в более ранних — сокращённые формы *цѣрь*, *цѣрьь*, *цѣрьь* и т. п.), соответствующее греч. βασιλεύς, употребляется в переводах как Ветхого, так и Нового Завета.

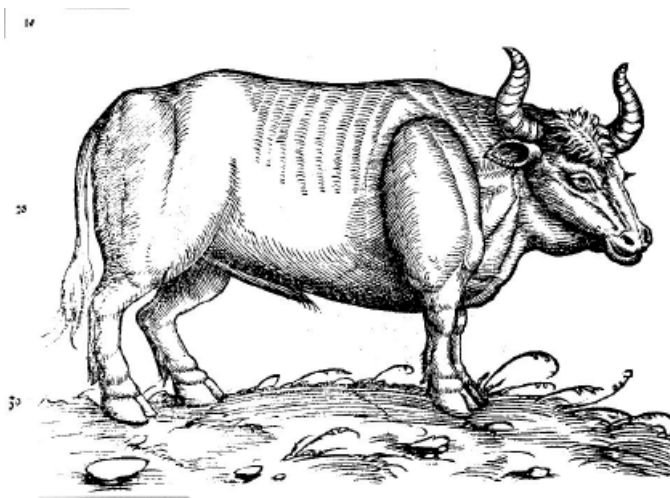
2 ПРИЛОЖЕНИЕ: Иконография «диких зверей» Сигизмунда Герберштейна в изданиях его времени

Приведённые здесь изображения в целом известны исследователям, однако тема настоящей статьи — описание Герберштейном зубра, тура, лося и сайгака — требует более пристального внимания к их иконографии, причём не в самой книге Герберштейна (эти гравюры неоднократно публиковались, в том числе в научных изданиях «Записок о Московии»), а в изданиях его времени, или опиравшихся на данные Герберштейна, или так или иначе с ним связанных.

2.1 Однако судьба изображений **тура** и **зубра**, опубликованных самим Герберштейном, также примечательна. В своей переписке 1541 г. с Северином Бонером, каштеляном г. Беч, он просил прислать ему их изображения, что и было сделано (Harrauer 1982: 143–144). Оригиналы польских гравюр были переданы придворным австрийским историографом Вильгельмом Лацием сначала Конраду Геснеру для иллюстрации его зоологического энциклопедического словаря «*Historiae Animalium*», где они были заново выгравированы на дереве у печатника Кристофа Фрошауэра, затем в том же виде повторены в латинском базельском издании «Записок о Московии» 1556 г. (см. воспроизведение: Герберштейн I: 718–719), и лишь в немецком венском издании 1557 г. были опубликованы гравюры с польских оригиналов (см. воспроизведение: Герберштейн I: 738–739; см. об этом: Герберштейн II: 217).

Илл. 1: Зубр в приложении к первому изданию «*Historiae Animalium*» К. Геснера.²³

Илл. 2: Тур в приложении к первому изданию «*Historiae Animalium*» К. Геснера (*Ibid.* Р. 8.).

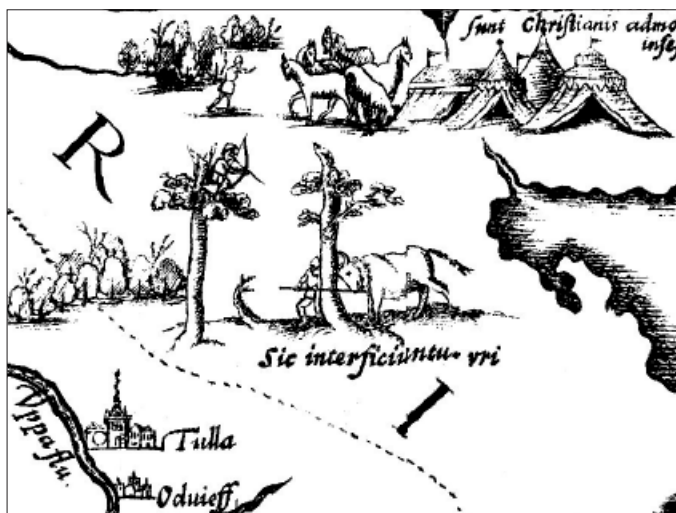
Первые, цюрихские, гравюры мы воспроизводим в Илл. 1 и 2, чтобы можно было сравнить их с опубликованными у Герберштейна.

²³ *Conradi Gesneri medici Tigurini Historiae Animalium. Appendix Historiae Quadropedum...* Tiguri [Zürich]: apud Christ. Froschouerum, 1554. Р. 3 (по экземпляру, хранящемуся в Музее книги РГБ, Москва; шифр хранения: Zürich Froschauer 1551-1587 2°).

2.2 Менее известны сцены охоты на тура, первая из которых появляется, по-видимому, на карте Антона Вида и Ивана Ляцкого 1542 г. (описание см. выше), которая также создавалась по заказу Герберштейна и дошла до нас в двух гравюрах на меди: 1) 1555 г. (Илл. 3) — издана Миховым, который обнаружил её в бывшей библиотеке Хельмштедтского университета (Michow 1906: 49; в настоящее время о местонахождении оригинала этой гравюры нигде не сообщается); 2) 1570 г. Франциска Хогенберга (Илл. 4), отличающаяся от первой, в том числе в сценах охоты на тура, — также издана Миховым, но ранее гравюры 1555 г. (об отличиях двух версий карты А. Вида и И. Ляцкого см. также: Кудрявцев 2017: 42).

Илл. 3: Сцены охоты на тура на карте А. Вида и И. Ляцкого (гравюра 1555 г.).²⁴

Илл. 4: Сцены охоты на тура на карте А. Вида и И. Ляцкого (гравюра 1570 г.).²⁵

Однако ещё до первой известной гравюры карты А. Вида и И. Ляцкого этот сюжет был заимствован в «Historiae Animalium» К. Геснера, причём здесь он

²⁴ По изд.: Anton Wieds Originalkarte von Russland von 1542, nach dem Hehnstedter Exemplar photographisch auf ca. die halbe Länge verkleinert (Michow 1906: Karte 4)

²⁵ По изд.: (Michow 1884: Taf. II).

иконографически соответствует более поздней гравюре 1570 г.: бык движется справа налево навстречу дереву, за которым прячется охотник (Илл. 5), тогда как на более ранней гравюре 1555 г. бык движется слева направо и ниже имеется ещё одна сцена охоты — без дерева. Кроме того, у Геснера отсутствует второе дерево со вторым охотником — лучником.

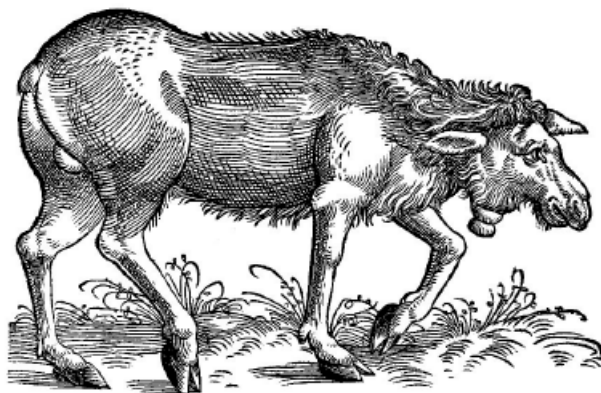
Илл. 5: Сцена охоты на тура в первом издании «*Historiae Animalium*» К. Геснера.²⁶

Самой яркой особенностью гравюры у Геснера является то, что изображённый на ней бык представляет собой нечто среднее между туром и зубром: основная часть тела не покрыта густой шерстью, зато на крупной голове растёт довольно характерная борода зубра, — и это наглядно демонстрирует смешение двух этих совершенно разных видов в представлении западноевропейских авторов, на что так сетовал Герберштейн.

2.3 Менее известно — особенно в связи с сочинением Герберштейна — изображение **лося** в «*Historiae Animalium*» К. Геснера, вероятно, потому, что это животное не было характерно исключительно для Восточной Европы и обитало в XVI в. также и в Западной. Лось Геснера при этом изображён без рогов, точнее, учитывая его пол, — со сброшенными рогами (Илл. 6).

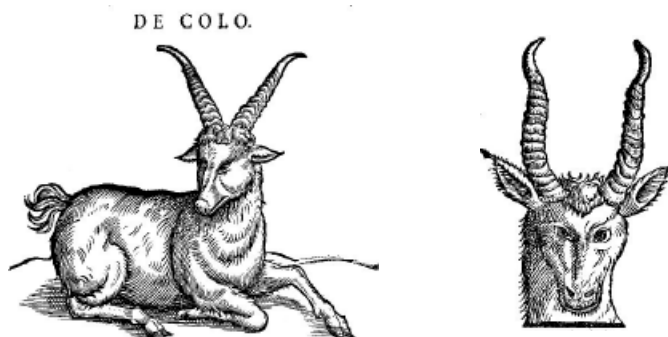
Кроме того, лось у Геснера отождествляется с библейским *zémer* из Втор 14:5, равно как и многим другим животным в «*Historiae Animalium*» приводятся древнееврейские параллели, что свидетельствует о неугасающем интересе европейских гуманистов к еврейской Библии: конечно, Герберштейн не был исключением — и это может быть дополнительным аргументом в пользу того, что на сам состав его главки «*De feris*» могло повлиять правленое славяно-русское Пятикнижие, с чьими рукописями его могли знакомить как в Литве, так и в Москве.

²⁶ *Conradi Gesneri medici Tigurini Historiae Animalium*. Lib. I. de Quadrupedibus ui uiparis. Tiguri [Zürich]: apud Christ. Froschouerum, 1551. P. 157 (по экземпляру, хранящемуся в Музее книги РГБ под указанным выше шифром).

Илл. 6: Лось в первом издании «*Historiae Animalium*» К. Геснера (*Ibid.* P. 1).

2.4 Если в первом издании «*Historiae Animalium*» К. Геснера статья «De Colo (о сайгаке)» (*Conradi Gesneri Historiae Animalium. Lib. I. P. 393*) осталась без иллюстраций, то во втором, франкфуртском, их появляется сразу две: лежащий зверь целиком и отдельно его голова (Илл. 7).

Илл. 7: Два изображения сайгака во втором издании «*Historiae Animalium*» К. Геснера.²⁷

Скорее всего, это изображение сайгака было плодом воображения художника, опиравшегося исключительно на описание Герберштейна, который прямо цитируется в этой статье второго издания «*Historiae Animalium*».

²⁷ *Conradi Gesneri medici Tigurini Historiae animalium. Liber I. De Quadropedibus viuiparis. Ed. II. Francofurti [Frankfurt am Main]: In Bibliopolio Cambieriano, 1602. P. 361, 362* (материалы сайта <https://www.biodiversitylibrary.org/>; DOI: 10.5962/bhl.title.68623).

Другое изображение сайгака предположительно обнаруживается на ещё более ранней карте — из «Космографии» Себастьяна Мюнстера 1544 г., который мог пользоваться картой А. Вида и И. Ляцкого. В данном же случае источником появления изображения странного животного, более похожего на козла (Илл. 8), исследователи называли описание не Герберштейна, а Матвея Меховского (Матвей Меховский 1936: 214 — со ссылкой на Е. Замысловского).

Илл. 8: Изображение предположительно сайгака на карте Московии в «Космографии» Себастьяна Мюнстера 1544 г.²⁸

На карте Мюнстера изображение животного, которое можно идентифицировать как сайгака, размещено в севернопричерноморских степях, рядом с шатрами кочевников, то есть в реальном историческом ареале сайгака.

ЛИТЕРАТУРА

- В. И. АБАЕВ. Т. I–IV: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Москва, Ленинград: Наука, 1958–1989.
- А. Г. Банников, Л. В. Жирнов, Л. С. ЛЕБЕДЕВА, А. А. ФАНДЕЕВ, 1961: *Биология сайгака*. Москва: Сельхозиздат.
- А. Г. Банников, Флинт В. Е., 1989: Отряд Парнокопытные (Artiodactyla). *Жизнь животных*. Под ред. В. Е. Соколова. Т. 7. *Млекопитающие*. 2-е изд., перераб. Москва: Просвещение. 426–522.
- Сигизмунд ГЕРБЕРШТЕЙН, I–II, 2008: *Записки о Московии*. Под ред. А. Л. Хорошкевич; рус. пер. с лат. А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. Москва: Памятники исторической мысли.
- А. И. Грищенко, 2017: Правленое славяно-русское пятикнижие XV века и тюркский таргум: проблема взаимного влияния. *Rossica Olomucensia* 56/2. 5–51.

²⁸ По изд.: (Michow 1884: Taf. I).

- Б. ГРИНЧЕНКО. Т. I–IV: *Словарь української мови*. Зібрала редакція журналу «Київська Старина». Упорядкував, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. У Києві, 1907–1909.
- Жильберт де Лянуа, 1867: Путешествие по Литве в XV веке Жильберта де Лянуа. *Вестник Западной России*. Кн. 7. Т. I. 38–47.
- В. В. КАЛУТИН, 2017: Еврейские кирилловские глоссы конца XV в. в русских списках Толковых пророчеств и Библии Матфея Десятого. *Palaeoslavica* 25/1. 13–24.
- КРПС, 1974: *Караимско-руско-польский словарь: 17 400 слов*. Под ред. Н. А. Баскакова, А. Зайончковского и С. М. Шапшала. Москва: Русский язык.
- О. Ф. КУДРЯВЦЕВ, 2017: Карта Московской Руси Антона Вида и Ивана Ляцкого. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 2. 40–57.
- М. МЕХОВСКИЙ, 1936: Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер., коммент. С. А. Аннинского. Москва, Ленинград: Изд-во Академии наук.
- А. В. МИХАЙЛОВ, I–IV, 1900–1908: *Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе (Приложение к книге «Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе»)*. Варшава: Типография Варшавского учебного округа.
- А. А. ПИЧХАДЗЕ, 1996: Из истории четьего текста славянского Восьмикнижия. *Труды Отдела древнерусской литературы* 49. С.-Петербург: Дмитрий Буланин. 10–21.
- СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 1–30: *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Москва, 1975–2015–.
- СУМ. Т. I–XI: *Словник української мови*. Київ: Наукова думка, 1970–1980.
- Макс ФАСМЕР. Т. I–IV: *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с немецкого и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2-е, стер. Москва: Прогресс, 1986.
- ЭССЯ. Вып. 1–40: *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Москва: Наука, 1974–2016–.
- ЭСТЯ. I–VII–: Э. В. СЕВОРТЯН, ред. *Этимологический словарь тюркских языков*. Москва: Наука, Языки русской культуры, Индрик, 1974–2003–.
- ЭСУМ. Т. I–VI: *Этимологічний словник української мови*. Київ: Наукова думка, 1982–2012.
- Leo BAGROW, 1962: At the Sources of the Cartography of Russia. *Imago Mundi* 16/1. 33–48. DOI: 10.1080/03085696208592200
- Vladimir DRIMBA, 2000: *Codex Comanicus*. Éd. diplomatique avec fac-similés. Bucarest: Editura Enciclopedică.
- Alexander I. GRISHCHENKO, 2016: Turkic Loanwords in the Slavonic-Russian Pentateuchs Edited According to the Masoretic Text. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 61/2. 253–273. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.1
- Christine HARRAUER, 1982: Die zeitgenössischen lateinischen Drucke der Moscovia Herbersteins und ihre Entstehungsgeschichte (Ein Beitrag zur Editionstechnik im 16. Jahrhundert). *Humanistica Lovanensia* 31. 141–163.
- Aleksandr V. ISAČENKO, 1957: Herbersteiniana II. Herbersteins Moskowiterbuch und seine Bedeutung für die russische historische Lexikographie. *Zeitschrift für Slawistik* 2/4. 493–512.

- Tadeusz KOWALSKI, 1928: W sprawie zapożyczeń tureckich w języku polskim. *Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski* 2. Cracoviae: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego. 347–353.
- , 1929: *Karaimische Texte im Dialekt von Troki* (= Prace Komisji Orjentalistycznej Polskiej Akademii Umiejętności 11). Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Aleksander MARDKOWICZ, Z. 1–2, 1933–1935: *Słownictwo karaimskie. Karaimsko-polsko-niemiecki słownik = Westkaraimische Sprache. Karaimisch-polsch-deutsches Wörterbuch; Karaj sez-bitigi = Słownik karaimski = Karaimisches Wörterbuch*. Łuck.
- Heinrich MICHOW, 1884: *Die ältesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geographie*. Hamburg: L. Friedrichsen & Co.
- , 1906: *Das erste Jahrhundert russischer Kartographie 1525–1632 und die Originalkarte des Anton Wied von 1542. Mit einer Text-Abbildung und 4 Karten* (= Mitteilungen der geographischen Gesellschaft in Hamburg, Bd. XXI). Hamburg: L. Friedrichsen & Co.
- Takamitsu MURAOKA, 2009: *Greek-English Lexicon of the Septuagint*. Louvain, Paris, Walpole (MA): Peeters.
- Michał NÉMETH, 2014: An Early North-Western Karaim Bible Translation from 1720. Part 1. The Torah. *Karaite Archives* 2. 109–141.
- , 2015a: An Early North-Western Karaim Bible Translation from 1720. Part 2. The Book of Ruth. *Karaite Archives* 3. 49–102. DOI: 10.14746/ka.2015.3.03
- , 2015b: An Early North-Western Karaim Bible Translation from 1720. Part 3. A Contribution to the Question of the Stemma Codicum of the Eupatorian Print from 1841. *Karaite Archives* 3. 103–118. DOI: 10.14746/ka.2015.3.04
- SJP. T. I–VIII: J. KARŁOWICZ, A. KRYŃSKI, WŁ. NIEDŹWIEDZKI. *Słownik języka polskiego*. Warszawa, 1900–1927.
- SJS. T. I–IV: *Slovník jazyka staroslověnského*, Praha: Academia, Euroslavica, 1966–1997.

POVZETEK

Prispevek obravnava povezavo med opisom divjih živali v poglavju »De feris« *Moskovskih zapiskov* Žige Herbersteina in seznamom čistih kopitarjev, navedenim v vzhodnoslovanski redakciji *Peteroknižja* (5 Mz 14:5). Vzhodnoslovanska redakcija *Peteroknižja* je bila po mnenju avtorja v 15. stoletju popravljena pod vplivom prevoda bibličnih besedil v turkovski jezik Judov, ki so se preselili z ozemlja Zlate horde v Veliko litovsko kneževino.

Podana je hipoteza, da se je Herberstein pri opisu opiral tako na živali, ki jih je lahko v Litvi sam videl, kot tudi na podatke iz popravljenega *Peteroknižja*. V prispevku so navedeni tudi drugi zgledi, ki dokazujejo, da se je seznam in opis živali v vzhodnoslovanski redakciji *Peteroknižja* spreminjal pod vplivom judovskih postav prehrane (3 Mz 11:1–31, 5 Mz 14:7–20). Prispevku je dodana priloga z ikonografijo »divjih živali« Herbersteina, ki se opira na njegova pričevanja.